

RUGRAM

ЗИГМУНД ФРЕЙД

*Психоанализ
на каждый день*

ПАЛЬМИРА
RUGRAM

УДК 159.964.2
ББК 88.3
Ф86

SIGMUND FREUD
Zur Psychopathologie des Alltagslebens
1901

Перевел с немецкого В. Д. Медем

Фрейд З.
Ф86 Психоанализ на каждый день / Зигмунд Фрейд ; [пер.
с нем. В. Д. Медема]. — СПб. ; М. : «RUGRAM Пальмира»,
2021. — 188 с. — (Серия «Пальмира — классика»).

«Психоанализ на каждый день» (1901) — яркий пример практических исследований З. Фрейда в области психоанализа и один из основных его трудов. Эта небольшая книга стала научной классикой XX века. Изучая различные отклонения от стереотипов обыденного поведения, странные дефекты и сбои и даже на первый взгляд случайные ошибки и обмолвки, ученый приходит к выводу, что они свидетельствуют о глубинных нарушениях психики, о симптомах психоневроза.

УДК 159.964.2
ББК 88.3

ISBN 978-5-517-04605-5

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2021

I. ЗАБЫВАНИЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

В 1898 г. я поместил в «Ежемесячнике по психиатрии и неврологии» небольшую статью «К вопросу о психическом механизме забывчивости». Содержание этой статьи послужит исходной точкой настоящего изложения. В ней на примере, взятом из моей собственной жизни, я подверг психологическому анализу чрезвычайно распространенное явление — временное забывание имен собственных — и пришел к выводу, что этот весьма обыкновенный и не особо важный с практической точки зрения вид расстройства одной из психических функций (способности припоминания) допускает объяснение, выходящее далеко за пределы обычных взглядов.

Психолог, которому будет поставлен вопрос, чем объясняется столь часто наблюдаемая неспособность припомнить знакомое имя, ограничится, скорее всего, простым указанием на то, что собственные имена вообще способны легче ускользать из памяти, нежели всякий другой элемент нашего психического содержания. Он приведет ряд более или менее правдоподобных предположений, обосновывающих эту своеобразную особен-

ность имен собственных. Но мысль о существовании иной причинной зависимости будет ему чужда.

Для меня лично поводом для более внимательного изучения данного феномена послужили некоторые частности, встречавшиеся если и не всегда, то все же в некоторых случаях обнаружившиеся с достаточной ясностью. Это было именно в тех случаях, когда наряду с *позабыванием* наблюдалось и *неверное припоминание*. Субъекту, сидящемуся вспомнить ускользнувшее из его памяти имя, приходят в голову иные, *подставные* имена, и если эти имена и опознаются сразу же как неверные, то они все же упорно возвращаются вновь с величайшей навязчивостью. Весь процесс, который должен вести к воспроизведению искомого имени, претерпевает как бы некоторый сдвиг и приводит к своего рода подмене.

Наблюдая это явление, я исхожу из того, что сдвиг этот отнюдь не является актом психического произвола, что он, напротив, совершается в закономерных и поддающихся научному учету рамках. Иными словами, я предполагаю, что «подставное» имя или имена находятся в известной, могущей быть вскрытой связи с искомым словом, и думаю, что если бы эту связь удалось обнаружить, этим самым был бы пролит свет и на сам феномен забывания имен. В том примере, на котором я построил свой анализ в указанной выше статье, было забыто имя художника, написавшего известные фрески в соборе итальянского городка Орвието. Вместо искомого имени — *Синьорелли* — мне упорно приходили в голову два других: *Боттичелли* и *Больтраффио*. Эти два подставных имени я тотчас же отбросил как неверные, а когда мне было названо настоящее имя, я не задумываясь признал его. Я попытался установить, благодаря каким влияниям и путем каких ассоциаций воспроизведение этого имени

претерпело подобного рода сдвиг (*Боттичелли* и *Большаффио* вместо *Синьорелли*), и пришел к следующим результатам.

а) Причину того, почему имя *Синьорелли* ускользнуло из моей памяти, не следует искать ни в особенностях этого имени самого по себе, ни в психологическом характере той комбинации, в которой оно должно было фигурировать. Само по себе имя это было мне известно не хуже, чем одно из подставных имен (*Боттичелли*) и несравненно лучше, нежели второе подставное имя — *Большаффио*. Об этом последнем я не знал почти ничего, разве лишь то, что этот художник принадлежал к миланской школе. Что же касается контекста, в котором находилось данное имя, то он носил ничего не значащий характер и не давал никаких нитей для выяснения вопроса: мы ехали верхами с одним чужим для меня господином из Рагузы (в Далмации) в Герцеговину; мы заговорили о путешествиях по Италии, и я спросил моего спутника, был ли он уже в Орвието и видел ли знаменитые фрески художника NN.

б) Объяснить исчезновение из моей памяти этого имени мне удалось лишь после того, как я восстановил тему, непосредственно предшествовавшую данному разговору. И тогда весь феномен предстал предо мной как процесс *вторжения* этой предшествовавшей темы в тему дальнейшего разговора и *нарушения* этой последней. Непосредственно перед тем как спросить моего спутника, был ли он уже в Орвието, я беседовал с ним о нравах и обычаях турок, живущих в Боснии и Герцеговине. Я рассказал со слов одного моего коллеги, практиковавшего в их среде, о том, с каким глубоким доверием они относятся к врачу и с какой покорностью преклоняются перед судьбой. Когда сообщаешь им, что боль-

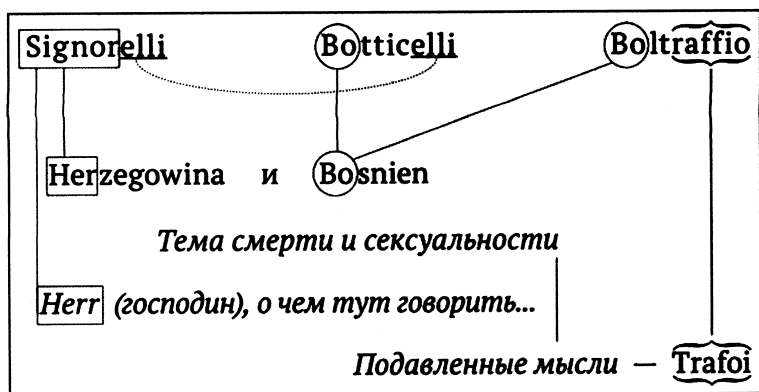
ной безнадежен, они отвечают: «Господин, о чем тут говорить? Я знаю, что если бы его можно было спасти, ты бы спас его». Здесь, в этом разговоре, мы уже встречаем такие слова и имена — Босния и Герцеговина (*Herzegovina*), господин (*Herr*), — которые поддаются включению в ассоциативную цепь, связывающую между собою имена *Signorelli* (*signor* — господин), *Botticelli* и *Boltraffio*.

в) Я полагаю, что мысль о нравах боснийских турок оказалась способной нарушить течение следующей мысли благодаря тому, что я отвлек от нее свое внимание прежде, чем додумал ее до конца. Дело в том, что я хотел было рассказать моему собеседнику еще один случай, связанный в моей памяти с первым. Боснийские турки ценят выше всего на свете половое наслаждение и в случаях заболеваний, делающих его невозможным, впадают в отчаяние, резко контрастирующее с их фаталистическим равнодушием к смерти. Один из пациентов моего коллеги сказал ему однажды: «Ты знаешь, господин (*Herr*), если лишиться этого, то жизнь теряет всякую цену». Я воздержался от сообщения об этой характерной черте, не желая касаться в разговоре с чужим человеком несколько щекотливой темы. Но я сделал при этом еще нечто большее: я устранился и от дальнейшего развития тех мыслей, которые готовы были у меня возникнуть в связи с темой «смерть и сексуальность». Я находился в то время под впечатлением известия, полученного несколькими неделями раньше, во время моего пребывания в местечке *Trafoi*: один из моих пациентов, на лечение которого я потратил много труда, покончил с собой вследствие неизлечимой половой болезни. Я точно знаю, что во время моей поездки в Герцеговину это печальное известие и все то, что было с ним связано, не всплывало в моем сознании. Но совпадение звуков *Trafoi* — *Boltraff-*

fio заставляет меня предположить, что в этот момент, несмотря на то, что я намеренно направил свое внимание в другую сторону, данное воспоминание все же оказало свое действие.

г) После всего сказанного я уже не могу рассматривать исчезновение из моей памяти имени *Синьорелли* как простую случайность. Я должен признать здесь наличность известного *мотива*. Имелись известные мотивы, побудившие меня прервать рассказ о нравах турок; они же побудили меня отгородить от моего сознания связанные с этим рассказом мысли, ассоциировавшиеся в свою очередь с известием, полученным мною в *Trafoi*. Я хотел таким образом нечто позабыть и вытеснил это нечто из памяти. Конечно, я хотел позабыть не имя художника из Орвието, а нечто другое, но этому другому удалось ассоциативно связаться с этим именем; так что мой волевой акт попал мимо цели, и в то время, как намеренно я хотел забыть одну вещь, невольно я забыл другую. Нежелание вспомнить направлялось против одного; неспособность вспомнить обнаружилась на другом. Конечно, проще было бы, если бы и нежелание, и неспособность сказались на одном и том же объекте. С этой точки зрения подставные имена представляются мне уже не столь произвольными. Они создают известного рода компромисс: напоминают и о том, что я хотел вспомнить, и том, что я позабыл: они показывают таким образом, что мое намерение позабыть нечто не увенчалось ни полным успехом, ни полной неудачей.

д) Весьма очевидна та связь, которая установилась между искомым именем и вытесненной темой «смерть и сексуальность». Названия *Босния*, *Герцеговина* и *Trafoi* относятся к ней же. Предлагаемая схема пояснит эту связь.

Имя *Signorelli* разложилось при этом на две части. Последние два слога (-elli) воспроизведены в одном из подставных имен без изменений (*Botticelli*), первые же два подверглись переводу с итальянского языка на немецкий (*signor* — *Herr*), вступили в этом виде в целый ряд сочетаний с тем словом, которое фигурировало в вытесненной теме (*Herr*, *Herzegowina*), и благодаря этому оказались также вытесненными из памяти. Замена их произошла так, как будто было сделано передвижение вдоль по словосочетанию «Герцеговина и Босния», причем передвижение это совершилось независимо от смысла этих слов и от звукового разграничения отдельных слогов. Отдельные части фразы механически рассекались подобно тому, как это делается при построении ребуса. Весь этот процесс, в результате которого имя *Синьорелли* заменилось двумя другими, протекал всецело вне сознания. За вычетом совпадений одних и тех же слогов (или, точнее, сочетаний букв) никакой иной связи, которая объединяла бы обе темы — вытесненную и следующую, — установить на первых порах не удалось.

Быть может, нелишне будет заметить, что приведенное выше объяснение не противоречит обычному у пси-